Текст · 7 ноября 2023, 09:26
Илья Золотарев,

Как меня вербовали. Рассказ музыканта из мордовской блэк-метал-группы «Потьма», которого ФСБ заподозрила в поджоге военкомата

Люди, которых вербовали (хотя бы и неудачно) российские спецслужбы, обычно молчат об этом эпизоде своей биографии. Однако из каждого правила есть исключения — музыкант саранской блэк-метал-группы «Потьма» Антон К. подробно рассказал «Медиазоне», как сотрудники ФСБ этим летом уговаривали его «что-нибудь выведать» о поджоге военкомата в поселке Зубова Поляна.

Краткое содержание

Имена некоторых упомянутых в этом тексте людей изменены

Полицейский Рашид и очень жесткая музыка

Я живу в Саранске, столице Мордовии, работаю в *IT*-компании. А несколько лет назад обеспечивал колонии Зубово-Полянского района дистанционным обучением, ездил туда с командировками. Этот опыт произвел на меня впечатление, и я захотел переработать его в некий миф и музыку. Все

затянулось на пять-шесть лет, но я нашел музыкантов и собрал группу «Потьма» — по названию одного из мордовских поселков, где располагались лагеря.

Тематика текстов и концепция основаны на истории Дубравлага — местных советских лагерей для политзаключенных. При этом я бы не сказал, что наши песни о политике. Это очень иносказательное и интуитивное повествование, созданное методом нарезок поэта Брайона Гайсина[1]. Все это время,

что мы выступали и выпускали музыку, нами не интересовались какие-либо госорганы.

Но в начале мая 2023 года мне позвонил незнакомый номер. Человек сказал, что он из уголовного розыска, пригласил пообщаться лично. Спросил, администрирую ли я сообщество группы «Потьма» во «ВКонтакте». Я ответил, что да. Я был за городом и не смог приехать сразу. Посоветовался со знакомыми и решил, что ничего страшного не будет, если съезжу.

На следующий день я поехал в главное управление МВД по республике, взяв с собой только паспорт и телефон. Тогда у меня еще не было адвоката. В кабинете меня встретил эмвэдэшник по имени Рашид, который и звонил мне. Он снова начал расспрашивать про сообщество «Потьмы» в «ВК», для чего оно. Я объяснил, что оно посвящено моей группе. Он начал спрашивать про конкретные посты.

Дело в том, что после начала войны, весной 2022 года, в Зубово-Полянском районе подожгли военкомат. Наткнувшись на эту новость в издании «7х7», я написал пост[2] о том, что в наличии у группы есть

мерч в виде почтовых открыток и ходят слухи, что

одна из них была найдена среди корреспонденции военкомата. Во-первых, мне это показалось хорошим способом напомнить слушателям о нашем мерче. А во-вторых, о том, что Потьма — это не только миф из моих песен, а вполне реальный поселок. Это была игра со смыслами.

Рашид спрашивал, откуда узнал про поджог, зачем написал. Я объяснил ему, что узнал из новостей, а все написанное в «ВК» имеет отношение исключительно к фантазии автора и вымышленной вселенной группы. Полицейский попытался сыграть плохого копа. Сказал, что я должен показать ему все, что у меня есть на айфоне, открыть телеграм, показать чаты, каналы. Я ответил, что вправе отказаться. Он разозлился. Сказал: «Давай тебя проверим на жучки». Начал проверять карманы, одежду, проверил поясную сумку. Предупредил, что в любом случае ко мне придут с обыском и найдут «все что нужно».

Мне пришлось несколько раз объяснять ему, что такое «Потьма», в чем концепция. Он даже послушал треки, но сказал, что это очень жесткая музыка. Спросил про другой пост, опубликованный в апреле 2022 года, — картинку с надписью «Нет войне». Спросил, какую войну я имел в виду, зачем это запостил. Я повторил, что это имеет отношение исключительно к вымышленной вселенной[3]. Добавил, что где нет дуализма, невозможна война, что я опираюсь на восточную философию. Все это он внес в объяснительную.

Рашид спрашивал, сколько я получаю. Я подумал, что он хочет взятку, но потом объяснил: «Ну, чувак, если бы ты сказал, что безработный, я бы

еще мог предположить, что ты за 20–30 тысяч пошел и кинул бы Молотова в военкомат». Он повторил, что вероятность обыска велика, потому что передаст это дело «дальше», и вряд ли людей устроит объяснительная, и отпустил меня.

Я думал уехать из города, но останавливали семья, работа и три кошки. Решил, что так как не совершал никакого преступления, то никакого наказания для меня не предусмотрено. Обсуждал это с самыми близкими, они подтвердили мою логику. С тех пор я все же стал более осторожно заходить в подъезд. Доля здоровой паранойи присутствовала, мне приходилось читать много статей и журналистских расследований о том, как работают наши органы.

Иллюстрация: Костя Волков / Медиазона

Американский флаг в жилище оппозиционера

13 июля в мою квартиру постучали. Обычно ко мне никто не приходит без предупреждения. Я посмотрел в глазок — там стоял мужчина. Спросил: «Кто?». Назвали мои имя и фамилию, сказали, что из военкомата. Я знал, что мне военкомат не грозит, и открыл. Мужчина сразу сказал: «Антон Александрович, я вас обманул. Я из ФСБ, пришел с обыском[4]». Показал документ из суда с печатью.

Спросил, может ли зайти.

Я начал терять самообладание, не понимал, что происходит. Начал ходить из стороны в сторону. Думал, что меня сейчас будут бить током, заставлять признаваться в том, чего я не совершал. Позвонил своей даме сердца и попросил связаться с любым адвокатом, потому что ко мне пришли из ФСБ.

Мужчина — его звали Борис — просто говорил: «Успокойтесь, все нормально. Мы сейчас просто осмотрим квартиру и уйдем». Я попил воды, отдышался, успокоился, сел на стул, спросил, что от меня требуется. Борис предупредил, если у меня есть что-то запрещенное, то лучше выдать это сразу — и все обойдется административкой. Я сказал: «Ничего запрещенного у меня нет, если только вы не собираетесь мне что-то подбросить». Он ответил: «Антон Александрович, ну что вы, в самом деле...».

Это очень хрестоматийный персонаж будто бы из американского кино про ФБР. Он не играл в хорошего или плохого копа, но будто бы пытался вывести на неосторожные слова. Задавал те же самые вопросы, что и мент: про посты, поджог военкомата. Я ему ответил, что все уже рассказал в МВД. Борис сказал, проще пересказать все заново.

Мы ждали напарника Бориса с понятыми. Он сказал: «Если у вас ноутбуки или другая техника есть, телефончик — мы у вас все заберем». Телефон и ноутбук мне были нужны для работы, предложил посмотреть все на месте. Борис не согласился, но обещал, что если дам пароли, то все вернут быстро.

Пришли понятые — у одной из них, кстати, была фамилия Вагнер — и напарник, назовем его Вторым. Понятые сели на диван, начали гладить моего кота. Второй испытывал большой интерес к обыску, будто предвосхищал, как найдет что-то запрещенное. Он проверил футляры каждой из моих ста аудиокассет.

Борис сказал: «Сразу видно по квартире, что в ней живет оппозиционер. Если бы за Путина был, то жил бы в какой-нибудь халупе». Все посмеялись. Он увидел статуэтку Будды у меня на столе и попросил поклясться им, что я не совершал поджог. Снова пытался сопоставить деятельность группы и это происшествие.

Они проверили гардероб, карманы во всей одежде, гитары, кофры, коробки с хламом, посуду. При этом обыск я бы не назвал тщательным. Была мысль, что либо они знают, зачем пришли, и будут что-то

подбрасывать, либо это исключительно работа для галочки.

Из рабочей комнаты они забрали два ноутбука (рабочий и для музыкальных проектов), жесткий диск и флешку. Заглянули в коробку с хламом, нашли там старый американский флаг, который подарила подруга по переписке, когда я изучал английский язык, хлопнули в ладоши: «Опа, все с тобой понятно!». Но это было скорее шуткой: спрашивали, откуда я получаю финансирование.

Приехала адвокатка, заполнила с фээсбэшниками какие-то бумаги. Они ввели ее в курс дела, а мне сказали, что я просто впустую потрачу на нее деньги.

Я попросил вернуть рабочий ноутбук и телефон завтра. Они попросили пароль, чтобы ускорить проверку. Пока убирал *FaceID* с телефона, заблокировал доступ к телеграму и удалил запрещенный в России инстаграм.

Когда силовики уехали с техникой, я рассказал адвокатке свою версию происходящего. Она сказала, что если они получили разрешение на обыск, значит, действительно дело серьезное. Попросила рассказывать ей все честно, потому что она моя защитница. Дополнить было нечего. Она посоветовала дышать спокойно и надеяться, что мне вернут технику. Я расплатился с ней и начал ждать завтра. Оказалось, что обыск был в рамках доследственной проверки по факту призыва к экстремизму и совершению экстремистских действий[5].

Зубовские хиппаны и Светка-коза

В десять утра ко мне приехал Борис и вернул рабочий ноутбук и смартфон. Второй ноутбук он попросил подождать еще пару недель. Несколько раз повторил, что если я что-то знаю про поджог, то лучше сказать, потому что в любом случае все станет явным. Просил дать хоть что-нибудь, хоть какую-то деталь или имя, сказал: «Если что-то вдруг вспомнишь, позвони». И уехал.

История об обыске разлетелась в инстаграме по знакомым, все хотели знать, что происходит, задавали вопросы. Оказалось, что даже некая компания молодых ребят из Зубовой Поляны, с которой я совсем немного был знаком и которые сейчас живут в Москве, тоже была в курсе этих новостей. Узнал я об этом со слов их соседки, которая дружила с моей дамой сердца. Она говорила, что к ним в Москву приехала их зубовская подруга по имени Света и всем рассказывала, что у нее брат фээсбэшник. Было ощущение, что я в эпицентре какого-то заговора.

Через пару недель Борис привез мне остальную технику. Сказал, что ждал от проверки «чего-то большего». Я предложил ему кофе. Борис спрашивал про мои велосипеды и фотографии из путешествий в ноутбуке. Рассказал, что сам из Зубовой Поляны, а на работу ездит на велосипеде, что в поселке у него живет то ли сестра, то ли племянница, будто бы неродная или сводная. Потом достал телефон и показал фото тех зубовских ребят, спрашивал, знаю ли я их, просил характеристику. Я ответил, что они какие-то хиппаны, что близко не знаком и видел

только на концертах и в соцсетях. Он спросил меня прямо, могли ли эти ребята поджечь военкомат. Я предположил, что, скорее всего, нет.

Мы подписали документы о возврате техники. Я спросил Бориса, знает ли он о том, что, возможно, его родственница Света поехала в Москву к зубовским пацанам с показанных им фото. Информация про сестру была для него будто ударом. Он спросил, откуда я это знаю, а я развел руками и сказал, что Саранск — город сплетен. Он разозлился, быстро обулся, поблагодарил за кофе, сказал: «Вот Светка коза!», попрощался и уехал.

Я решил, что зубовские могли дать наводку на меня. Также подумал, что из меня хотят сделать козла отпущения — используют пост, чтобы сфабриковать дело. Но последующие события показали, что в глазах сотрудников я чист.

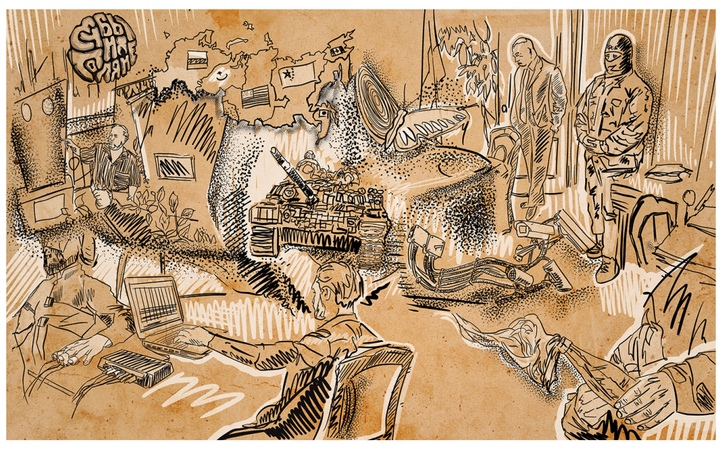

Иллюстрация: Костя Волков / Медиазона

Когда ФСБ предлагает развлечься

В конце июля мне снова позвонил Борис и сказал, что у него есть предложение «исключительно развлекательного характера»: съездить в поселок на фестиваль «Зубы на поляне» и «что-нибудь выведать». Я знал, что там играют в том числе ребята, о которых пытался узнать Борис. Я сразу понял, что

меня вербуют. Я отказался, сказал, что у меня отпуск и совсем другие планы, но пообещал подумать.

Несколько дней было затишье. Будто бы дело встало, но все равно мне не дали четко понять, отстали от меня или нет. Я предупредил одного из тех ребят, что ими интересуются. Он был в курсе.

В первых числах августа мне снова позвонил Борис: «Не желаешь пройти полиграф, чтобы мы окончательно убедились, что ты нам не врешь?». Он пообещал, что от меня отстанут. Я решил, что это окей.

Через неделю я пришел в главное управление ФСБ по Мордовии. Меня привели в кабинет, где ждал эксперт, видимо, нанятый со стороны. Мы остались одни. Целый час он читал мне лекции по эзотерике, о том, как в мире все со всем связано; о том, как бабочка, порхнув крылом в одной части света, вызывает глобальный катаклизм в другой[6]; что любая ложь,

которую мы производим на свет, всегда становится явной и может иметь тяжелейшие последствия.

Потом были хороводы вокруг войны. Эксперт говорил, что она никогда не заканчивается, что сейчас идет не просто война России с Украиной, а что-то более глобальное. Рассказывал какие-то теории в духе ютубных конспирологов. Говорил, что Россию давно поделили, что Сибирь давно под Англией, что ничего русского у нас не осталось. Все это мне в голову загрузил, потом сказал: «Ну да ладно, приступим!».

Эксперт подключил меня к датчикам, калибровал аппаратуру, задавал простейшие вопросы о том, где

я родился, как меня зовут, где учился, где проживаю, просил намеренно соврать, чтобы настроить аппарат. Это продолжалось еще час. В перерывах эксперт рассказывал про себя, про свою дочь, которая побывала за границей и видела, где настоящий режим: во Франции в Швейцарии за всеми тотальная слежка, а в России все свободно и демократично.

Далее он перешел к списку вопросов в духе: врал ли я когда-нибудь Борису, совершал ли я поджог военкомата, получал ли какую-то помощь от иностранных террористических или религиозных организаций, боюсь ли я правосудия, боюсь ли я, что мои слова интерпретируют неправильно. Формулировки постоянно менялись, но незначительно — для того, возможно, чтобы создать эффект неожиданности и спровоцировать на какие-то реакции.

Эксперт рассказал также, что он психиатр, но не ведет практику, потому что это не приносит нормального дохода, и ушел в полиграфисты. Сказал, что, возможно, когда закончится война, к нему будут приходить мужчины с ПТСР и у него появится работа. Рассказывал, что работал с Анатолием Москвиным[7], включал какие-то аудиозаписи с ним.

Это происходило четыре часа. После этого эксперт сказал двум пришедшим фээсбэшникам, которых я раньше не видел, что напишет заключение и я им больше не понадоблюсь. Сотрудники были очень озлобленные от того, что все никак не могут раскрыть дело. Стали уже в коридоре задавать все те же вопросы про посты, пытались найти в моих словах какие-то

несостыковки, цеплялись за даты, которые я уже практически не помнил.

Потом меня отвели в кабинет, где мы ждали Бориса. Мне опять задавали одни и те же вопросы. Они рассказывали про какое-то спонсирование из Украины россиян, пенсионеров на то, чтобы они проводили диверсии. После этого пришел Борис, очень взволнованный. Эти двое фээсбэшников начали на него злиться: «Где ты был? Тебя уже здесь столько ждем!». Когда мы вышли, он начал спрашивать, о чем я говорил с этими сотрудниками, что они пытались узнать. Сказал, что я мог сразу уйти и никого не ждать. Он был взволнован, и меня это озадачило. Будто он боялся, что я скажу им что-то лишнее — но это мои домыслы. Я не стал их подтверждать, так как устал от всего этого. Потом Борис сказал: «Ну все, это наша последняя встреча».

Я чувствовал, как из меня выжали всю энергию. Вышел на улицу и уехал домой отдыхать. После этого силовики не давали о себе знать, и, надеюсь, эта история закончилась. Из нее я реально почувствовал, что страх равно пропорционален иллюзии защищенности. Что искусство в своей сути несет больше света и тепла, чем пламя от коктейля Молотова, а также убедился, что мордовский *Black Metal ist Krieg*[8].

Редактор: Дмитрий Ткачев

1. Канадский художник и писатель, друг Уильяма Берроуза. В 1950-х они развивали изобретенную еще дадаистами технику создания новых текстов из перемешанных вырезок (cut-up).

2. Оба упомянутых Антоном К. поста сейчас удалены. В распоряжении «Медиазоны» есть скриншоты публикаций.

3. Подпись к картинке гласила: «В Потьме нет войны».

4. На самом деле это было «гласное оперативно-розыскное мероприятие "обследование помещений"» (протокол есть в распоряжении «Медиазоны»). В отличие от обыска, оно может проводиться без возбуждения уголовного дела.

5. Скорее всего, имеется в виду статья 280 УК — публичные призывы к экстремистской деятельности.

6. Образное выражение американского метеоролога Эдварда Лоренца (1917–2008). В массовой культуре пример с бабочкой и ураганом стал клише и получил название «эффект бабочки».

7. Нижегородский краевед, исследователь кладбищ. В 2011 году в его квартире и гараже нашли тела 26 девочек в возрасте от трех до 12 лет, которые Москвин похищал из могил и мумифицировал. Суд признал его невменяемым и направил на принудительное лечение.

8. «Блэк-метал — это война» (нем.). Обыгрывается название альбома группы Nargaroth.